

МЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ХУДОЖНИКИ ДАНИЭЛЬ РИЕДО, JAEGER-LECOULTRE



АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

сейчас у нас в производстве —
70 разных механизмов одновременно

Новый глава старинной швейцарской часовой марки три года проработал в Jaeger-LeCoultre в качестве директора производства. До этого он занимался тем же в компании Rolex и родственной ей марки Tudor. Летом 2013 года Риедо встал во главе Jaeger-LeCoultre, заменив Жерома Ламбера, ушедшего руководить Montblanc, и сразу же оказался в центре юбилейных торжеств — дом Jaeger-LeCoultre отмечает 180 лет.

— Что вы думаете о роли марки, которую вы представляете, в истории часового дела. Каковы ее традиции?

— Мне не нужно говорить о том, что такое Jaeger-LeCoultre. Это знают все, и я очень горд тем, что могу при случае похвастаться таким замечательным именем. Я был счастлив и три года назад тем, что меня приняли в такую чудесную семью. Если же мы вспомним, чем была марка для часовой промышленности Швейцарии, то увидим, что мои предшественники поставляли механизмы едва ли не во все главные часовые и ювелирные дома. Механизм Jaeger-LeCoultre был гарантией того, что часы будут ходить и 10 лет, и 100, и 180.

— Конечно, за 180 лет накопился невероятный опыт, но могли накопиться и рутина, и усталость от собственного величия?

— А вы посмотрите на наши произведения! Мне кажется, нынешний SIHH доказывает, что об усталости нет и речи. Мы разработали за эти годы 1242 механизма. Это, допустим, наша история. Но сейчас у нас в производстве 70 разных механизмов одновременно. Какая марка может этим похвастаться?

— И вы продолжите этот курс на развитие часовой механики?

— Конечно, даром что ли у нас 125 человек работают над механизмами на мануфактуре в Сантие. Все они незаурядные мастера.

— Какая из новинок этого Женевского салона подтверждает ваши слова?

— Тут не надо долго думать: это наш новый минутный репетир линии Hybris Mechanica — сверхтонкий с автоподзаводом и турбийоном. Восемь патентов, множество необыкновенных элементов: особые молоточки-требуше, миниатюрный турбийон и совершенно новая система звона, позволяющая избежать лишних пауз между часами и минутами. Я бы сам с удовольствием носил такие часы. Но они для наших клиентов, они ждут, а коллекционеров нельзя заставлять ждать.

— Вы говорите это с таким пониманием, будто бы у вас есть собственная коллекция?

— Я бы не назвал коллекцией восемь моделей часов.

— Что это за часы?

— В основном Rolex и Tudor, есть старые Longines, но теперь я мечтаю о Jaeger-LeCoultre. Больше всего мне нравится серия Master — календари в ней прекрасны, я смотрю на них с придыханием. И, конечно, Duometre... можно ли не любить Duometre!

— Что должно измениться в Jaeger-LeCoultre с вашим приходом? Или вы не собираетесь ничего менять?

— Конечно, собираюсь. Кое-что уже меняется. В этом году мы показываем не только чудеса механики. Мы привезли 12 часов, уникальных с точки зрения вложенного в них художественного труда. Там есть вещи, которые мы сами только что научились делать, например, корпус часов из сапфирового стекла — полностью прозрачный. Представьте себе Reverso без металла, только в стекле. Или часы, у которых циферблат сделан из горного хрусталя, это очень хрупкий, очень сложный в обработке материал.

— Как же так, ведь Reverso когда-то были сделаны специально для спортсменов? Часы переворачивали стеклом внутрь, тем самым защищая их...

— Ну, это такие особенные хрупкие Reverso, и, конечно, мы не рекомендуем играть с ними в гольф. С другой стороны, их можно сравнить по необычности и совершенству с автомобилем «Формулы-1». Вы же не станете ездить на нем в булочную.

— Если это единственные экземпляры, то это скорее нечто вроде витрины ваших возможностей, чем вещи для ваших клиентов.

— Да, эти 12 вещей — демонстрация того, что мы можем сделать. Но это часы, рассчитанные не на музей, а на продажу, они работают — и работают отлично. Все 12 уже имеют владельцев. Мы используем эту коллекцию, чтобы показать, что мы начинаем новую страницу нашей истории. У нас была коллекция механических чудес Hybris Mechanica, а теперь будет коллекция Hybris Artistica. Смотрите, мы великие механики, но мы и замечательные художники. Вот то, что мы хотели бы сейчас всем сообщить.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов



— Jaeger-LeCoultre
Duometre a
Quantieme Lunaire
и калибр JLC 381,
2014